

О. А. Власова

КАРЛ ЯСПЕРС И МИШЕЛЬ ФУКО: ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ПРАКТИКА «ЗАБОТЫ О СЕБЕ»

Автор обращается к истокам историко-философских проектов К. Ясперса и М. Фуко, указывая в качестве таковых методологическую и эпистемологическую критику психологии. В статье сопоставляются этапы жизненного пути и отправные точки критики психологии в ранних работах философов, выявляются истоки их обращения к истории, наследию и практикам прошлого, истории философии. Автор заключает, что оба философа видят слабость психологии в том, что она стала наукой, знанием о душе и душевной жизни. Они обращаются к философии как к «настоящей», идеальной психологии, посредством которой возможны работа над собой, живой опыт душевной жизни, опыт овладения противоречиями, которые лежат в основе человеческого бытия, и личный опыт преобразования. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: К. Ясперс, М. Фуко, история философии, антропология, забота о себе, душевная жизнь.

О. А. Vlasova

KARL JASPERS AND MICHEL FOUCAULT: HISTORY OF PHILOSOPHY AS A PRACTICE OF "CARE OF THE SELF"

The paper is addressed to sources of philosophical projects of K. Jaspers and M. Foucault and calls as such methodological and epistemological critics of psychology. The author compares stages of their career and starting points of criticism in philosopher's early works, shows sources of their researches of history, heritage and practices of the past, history of philosophy. Both philosophers share a negative attitude to psychology as science which provides knowledge of soul and soul's life. They both refer to philosophy as the "true" psychology, through which are possible the work on the self, living experience of soul's life, negotiation of contradictions which underlie human existence, and personal enhancement. Refs 8.

Keywords: K. Jaspers, M. Foucault, anthropology, history of philosophy, care of the self, mental life.

Карл Ясперс и Мишель Фуко — представители разных эпох, стран, поколений и направлений, развитие их идей определяется совершенно различными причинами. Однако когда внимательно читаешь Ясперса и пытаешься всмотреться в его путь, возникает едва ощутимое чувство *déjà vu*, которое тем и удивительно, что между этими двумя мыслителями не должно быть никакого сходства.

К такой стратегии интуитивного сравнения не раз прибегали и Ясперс, и Фуко. В первой лекции цикла «Разум и экзистенция», сопоставляя фигуры С. Кьеркегора и Ф. Ницше, Ясперс указывает на то, что подобное сопряжение, основанное на интуиции сходства, вскрывает общую историческую судьбу философов. «...Сопоставление этих двух мыслителей, — пишет он, — хотя и не дает ответа на вопрос, но ставит сам вопрос отчетливее и настоятельнее. Это сопоставление тем более важно, что не могло быть никакого влияния одного философа на другого; и что различие между

Власова Ольга Александровна — доктор философских наук, профессор, Курский государственный университет, Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33; o.a.vlasova@gmail.com

Vlasova Olga A. — Doctor of Philosophy, Professor, Kursk State University, 33, ul. Radischeva, Kursk, 305000, Russian Federation

* Работа подготовлена в рамках проекта «Понимающая психология и феноменология Карла Ясперса: от психопатологии к экзистенциальной философии и философии истории» при поддержке РГНФ, № 12-33-01283.

ними являет с тем большей внушительностью их общие черты. <...> В них совершился сдвиг в западном философствовании, окончательное значение которого сегодня еще невозможно оценить в полной мере» [1, с. 12–13].

Это *déjà vu* — не ощущение уже прочитанного: Фуко и Ясперс говорят не одни и те же вещи и пишут не об одном и том же; скорее это ощущение уже понятого — того движения мысли, которое ты уже пытался прочувствовать, тех коллизий ее развития, которые ты уже связывал, воссоздавая единство поиска. Это едва уловимое сходство задается общим вектором жизненного пути и общими точками критицизма, а точнее — некой общей тенденцией эпохи, наиболее четкое представление о которой как раз и дает сопоставление этих двух фигур.

Первые шаги Ясперса, как и первые шаги Фуко, связаны с психиатрией и психологией. Результатом ранних увлечений стали и первые работы философов: для Ясперса это «Общая психопатология», для Фуко — «Психическая болезнь и личность». За первыми книгами о психиатрии последовали работы о психологии: лекционные курсы, статьи (к примеру, «Психология с 1850 по 1950 гг.», «Научное исследование и психология» Фуко) и книги («Психология мировоззрений» Ясперса). При этом оба философа были одновременно и включены в практику психиатрии и психологии, и оставались по отношению к этим наукам внешними наблюдателями, поскольку никогда не занимали штатных должностей. Эта независимая позиция обеспечила платформу для фундаментальной критики.

Оба мыслителя по многим позициям отождествляют психиатрию и психологию: и для Ясперса, и для Фуко психиатрия выполняет функции психологии патологического, поэтому не случайно, что область своих поисков Ясперс обозначает как психопатологию. Обе эти предметные области воспринимаются Ясперсом и Фуко как науки о душевной, психической жизни — одна в норме, другая в патологии. Лишь позднее, в «Истории безумия в классическую эпоху», Фуко начнет разрабатывать эпистемологию психиатрической практики, а Ясперс в «Психологии мировоззрений» будет развивать проект философской психологии.

Мишенью критики оказывается позитивистская парадигма психологии, а сама эта критика у обоих мыслителей носит характер критики оснований, т. е. методологии и философских установок. Отметим, что Ясперс вступил в психологию в 1910-е годы — практически в первое десятилетие ее развития как самостоятельной науки. В начальных строках своей «Психологии мировоззрений» он отмечает, что «позиции психологии сегодня неясны и еще четко не очерчены» [2, S. 1]. Фуко, который говорит о ней уже спустя полвека, обращает внимание как раз на полувековую незыблемость позитивистской парадигмы, а также на неспособность разрешить возникающие при такой парадигме противоречия: «Нынешние трудности психологического исследования отражают отнюдь не кризис взросления, они очерчивают и разоблачают кризис существования, — подчеркивает он. — С того времени, как психология стала “молодой” наукой, у нее было время немного повзрослеть. <...> Ее проблемам уже век, но ее сознание с каждым днем становится все более и более инфантильным; она молода, лишь поскольку молодость так и не наступила» [3, р. 183].

Претензия обоих философов состоит в том, что психиатрия и психология, следуя образцу естественных наук, стремятся представить четкое и позитивное знание о человеке в его нормальном и патологическом функционировании, обходя

тот факт, что являются науками не столько о мозге и организме, сколько о психике и душе. Это стремление к естественной объективности на взгляд как Ясперса, так и Фуко оборачивается множеством противоречий: психология редуцирует человека, пытается зафиксировать все пространства его жизнедеятельности, исследуя и объясняя его по частям, умножая число своих теорий и методов, — но так и не может ухватить самого человека.

Психология, отделившись от философии в конце XIX в., со времен Ясперса до времен Фуко ищет точки собственной идентификации. Отмежевавшись от философии, она отказалась от онтологии, которая ранее была ее основанием, и выбрала в качестве такового естественнонаучную парадигму. На смену онтологическому обоснованию пришли психологическое исследование и тестирование, которые, как отчетливо показывает Фуко в своей статье «Научное исследование и психология», позволяют получить лишь горизонтальные связи, тем самым расширяя границы психологии, но не продвигаются вглубь, не обосновывают ее предметную область, ее методы и системы ее интерпретации. Место философской онтологии оказывается незаполненным.

Эти коллизии идентификации психиатрии и психологии, которые Ясперс с Фуко увидели как раз благодаря тому, что были не полностью «включены в систему», типичны для психологически-психиатрического пространства начала и середины XX столетия. В модусе критики они проглядывают как в немецкой, так и во французской традиции. О том же, о чем говорили Ясперс и Фуко, во Франции писали Ж.-П. Сартр в своем «Воображаемом...», М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия», Ж. Кангилем в «Нормальном и патологическом». В Германии об этом говорили неокантианцы, к примеру П. Наторп, эмпириокритики, в частности Э. Мах, а также представители движения экзистенциально-феноменологической психиатрии. Философам не хватало психологии, они отчаянно тосковали по ней и с сожалением смотрели на те процессы, которые происходили в ней без присмотра философии.

Эта тоска философов по психологии привела в начале XX в. к конституированию философской антропологии — того направления немецкоязычной философии, которое связывают с именами М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена и их последователей. Философская антропология здесь — психология от философии, психология в философии, словом, то пространство, которое после отделения психологии от философии осталось незаполненным, но было так необходимо онтологии. Эта область конкретной философии, философии повседневного существования человека и насущных для него вопросов — та область, в которой человек посредством философии обращался к самому себе.

Однако не всякая тоска по психологии вела к антропологии. Ясперс и Фуко в своей творческой эволюции избрали другой, анти-антропологический путь — путь, популярный в кругах методологов. Они приходят к другой психологии, которую Фуко называл в своих ранних работах «настоящей». Посредством истории эта психология проходит своеобразный гегелевский круг: через всеобщее к единичному, через универсальные механизмы исторического процесса к индивидуальным механизмам человеческого сознания.

Обращение к истории для обоих мыслителей следует за разочарованием в психологии. Поворотом к истории отмечена уже вторая книга Ясперса, написанная еще

в психологический период, — «Психология мировоззрений». По-настоящему исторической станет вышедшая в начале 1930-х «Духовная ситуация времени», а затем сформировавшийся исторический взгляд будет отчетливо просматриваться как в историко-философских, так и в историко-культурных работах Яспера (важнейшие из которых — «Великие философы» и «Смысл и назначение истории»). Вектор «всеобщая история — индивидуальное сознание» особенно акцентируется в его послевоенных трудах. Война, нацизм стали теми точками, которые обострили этот исторически-психологический переход.

Для Фуко исторической станет уже вторая и самая известная его книга — «История в классическую эпоху». Начиная с нее он полностью погрузится в архивы истории, исследуя системы мысли, проблематизации и их эволюцию. Индивидуальные практики, к примеру практики сексуальности или безумия, станут пространствами наложения индивидуального и социального, тем средством, с помощью которого общество показывает и может увидеть свои основания, а человек — обратиться к своим исходным антропологическим противоречиям.

Несмотря на принципиальное различие исходных установок (метафизика и историзм у Яспера, аметафизичность и анти-историзм у Фуко), оба мыслителя смотрят на историю как на принципиально непостижимый процесс. Поэтому они направляют свое внимание, за редким исключением, не столько на историю, сколько на человека в истории, на функционирующие в ней социальные группы, на изменяющиеся в ней культурные ландшафты. Этот тот слой истории, который, по их мнению, только и может быть познан и дальше которого проникнуть посредством познания мы не можем. Как замечает, говоря об истории, Ясперс: «Философствуя, мы можем ее достичь, но не можем через нее перепрыгнуть. Мы можем описать ее, но не постичь. Мы хотели бы познать историю. Но то, что мы познаем, подвергая своему исследованию, всегда открывает нам только свой первый план» [4, с. 62].

Таким образом, ценность истории заключается в том, что она помогает пролить свет на настоящее, на его социальные практики и его концепты, на данности нашего повседневного опыта и на нас самих. Этот метод, который Фуко назвал проблематизацией, Робер Кастель разъясняет следующим образом: «Нужно обратиться к прошлому с нашим сегодняшним вопросом и написать рассказ о его появлении и его перипетиях. ...Поскольку настоящее — не только современное. Есть еще эффект наследования, а память об этом наследстве нам необходима, чтобы понимать настоящее и действовать сегодня» [5, с. 8]. По сути, о такой же проблематизации говорит нам и Ясперс, подчеркивая важность истории для осмысления настоящего. «История необозрима, — пишет он, — но, находясь в ней, мы можем двигаться вместе с ней, не надеясь на будущее и не возвращаясь в прошлое, в желании понять, что такое бытие и истина; но мы можем пребывать в них теперь и видеть в зеркале прошлого, поднимающего нас на свою высоту, и в возможностях будущего именно тот решающий факт, что мы присутствуем, что мы вечно пребываем в настоящем» [4, с. 66–67]. Так обращение к истории приобретает социальный (для Фуко) и экзистенциальный (для Яспера) смысл в актуальном настоящем.

Вектор «прошлое — настоящее» наиболее ярко предстает в историко-философских проектах обоих философов. Именно здесь перед нами оживает «настоящая» психология, приобретая отличный от общепринятого смысл.

Все историко-философские работы Ясперса посвящены не философии прошлого, а философам. Не случайно он говорит о «великих философах». Великие, в частности великие философы, — это те, кто в своем духовном поиске поднялся на такую вершину духовной работы, где открывается истина, открывается объемлющее. Прояснение систем мысли великих философов может служить дорогой к этой истине, причем такое прояснение должно представлять собой не обычное историческое исследование и не классическую историко-философскую реконструкцию, а своеобразное понимание.

Развивая предложенный им еще в психопатологический период творчества метод понимающей психологии, Ясперс говорит о том, что мы должны словно бы вчувствоваться в путь мышления великих философов, пройти дорогой их души, и тогда мы придем к той истине, что открылась великим. Основной инструмент в подобном историко-философском исследовании — работа собственного мышления. Историк философии должен не обратиться в прошлое, но оживить прошлое в настоящем, воссоздать дорогу философской мысли в себе самом. Его душа становится пространством, в котором оживает эта философия, наделяя душу силой истины.

В предисловии к трехтомной «Философии» Ясперс указывает: «В философствовании... ищут и требуют большего: Мышления, которое преобразует мое сознание бытия, ибо оно, пробуждая, приводит меня ко мне самому в тех изначальных мотивах, действуя по которым в существовании, я становлюсь тем, что есмь. Никакое объективное знание не в состоянии сделать это» [6, с. 19]. Мост между прошлым и будущим, которым оказывается философия, пролегает через жизнь и личность того человека, который обращается к истории философии и актуализирует ее прошлое в ее настоящем. Здесь мы видим очень важный как для самого Ясперса, так и для Фуко концепт попечения, заботы о самом себе.

Переводчик русского издания «Философии» передает «*kümmern um sich selbst*» как «попечение о самом себе», но если мы вспомним, что «*kümmern*» имеет и еще одно значение — «забота», то перед нами предстанет более знакомое выражение — «забота о себе». Ясперс, обрисовывая эту особенность философии, пишет: «Действительность, в которую воплощается философствование, есть самобытие индивидуальной личности. Философствуя, я пребываю у себя самого, а никогда не просто при некоторой вещи. То, что философствование есть попечение о себе самом, следует из ситуации существования» [6, с. 299].

Философия имеет для Ясперса смысл не реконструируемого знания, проблематику которого необходимо исследовать, но личного опыта — постоянного опыта трансценденции, выхода за пределы себя, обращения к великим мыслителям, к культуре, к истории и непременно — возвращению к себе, обращения к собственной душе. В более концептуализированном виде представляет этот опыт поздний Фуко — в своих лекционных курсах, посвященных античной философии, и в их магистральных понятиях «забота о себе» и «эстетика существования».

В курсе 1982–1983 гг. «Управление собой и другими», обращаясь к Платону и античной традиции философской и политической мысли, Фуко указывает на принципиальную особенность философии как *parrêsia*. Он подчеркивает, что философия не является *logos*'ом, т. е. тем, что можно зафиксировать и передать как знание, что можно выучить и чему можно научить. В философии ничего не происходит насильно,

поскольку основное ее условие — это заинтересованный взгляд ученика, которому учитель не может дать ничего определенного, но которого он может лишь направить. Для Фуко философия — это та дорога, которую каждый должен пройти сам, дорога личного опыта и работы мысли, а значит — главным образом практика: «... Практика философии как “практики”, во множественном числе, это практика философии в ее практиках, в ее делах. <...> Философия встречается со своей реальностью в практике философии, понимаемой как вся совокупность практик, посредством которых субъект относится к самому себе, вырабатывает себя, работает над собой. Работа над самим собой — это и есть реальность философии» [7, с. 254]. В этом курсе, а также в продолжавшем его курсе «Мужество истины», который стал последним в жизни философа, Фуко обращается к стоикам и к античным практикам философии, развивая концепт «заботы о себе». Философия мыслится им как деятельность, сопряженная с уходом от мира, от его позитивного знания и его внешних благ и направленная внутрь человека, на его душу. Забота о себе — это и есть возделывание души, оживление философии прошлого в настоящем собственной мысли. Не случайно Фуко начинает курс «Управление собой и другими» с обращения к статье Канта «Что такое Просвещение?» и с вопроса об истории и современности философии. Ведь для Фуко — и здесь он ссылается на античную традицию — философия возможна только как история философии, как постоянное проговаривание того, что было сказано предшественниками, как «перетириание». Именно это перетириание чужой мысли воздействует на душу, и именно так философия становится не знанием, а опытом — предельно личным и интимным опытом работы со своей собственной душой. Таково содержание эстетики существования [8].

Пройти дорогой, которой прошли великие философы, сделать пространством работы собственную душу и собственное мышление, превратить их в точку обращения истории в актуальность, прошлого в настоящее, истории философии в философию как практику заботы о себе — эта техника историко-философского исследования становится общей для Ясперса и Фуко. Философская истина для обоих мыслителей сокрыта не в знании и его позитивном усвоении, а в опыте, и ее нельзя ни воссоздать, ни передать, можно только постоянно приближаться к ней. И основной смысл этого бесконечного процесса кроется не в конечном результате, а в самом пути.

Ясперс с самого своего рождения много болел, он был ограничен в активности и в возможности общаться с другими. К тому же он жил в эпоху, ставшую как для его родной Германии, так и для всего мира переломной. Философия как повседневная работа, как жизнь в жизни стала для него основным пространством. Он часто обращается к событиям своего пути, у него много автобиографических работ, его душевная жизнь предстает перед нами в его философии. Это та душевная жизнь, которая мыслится обоими философами в качестве предмета психологии.

В одной из своих ранних статей Фуко говорит, что единственный путь психологии состоит в овладении теми противоречиями, которые породили человека, в обращении к истокам его существования. Точно так же мыслит психологию и Ясперс — как психологию мировоззрения, психологию душевной жизни. В критике ее как естественной, позитивной, объективной науки в ранних работах обоих мыслителей мы видим истоки их обращения к философии. И Ясперс, и Фуко усматривают слабость психологии в том, что она стала *наукой, знанием о душе и душевной жизни*,

и оба приходят к философии как к «настоящей», идеальной психологии, посредством которой возможна работа над собой, возможен живой *опыт душевной жизни*, опыт овладения противоречиями, которые лежат в основе человеческого бытия, личный опыт преобразования.

Литература

1. Ясперс К. Разум и экзистенция / пер. А. К. Судакова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
2. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin; Göttingen; Heidelberg: Springer Verlag, 1960. 486 S.
3. Foucault M. La recherche scientifique et la psychologie // Dits et écrits. T. 1: 1954–1975. Paris: Gallimard, 2001. P. 165–186.
4. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб.: Наука, 2000. 272 с.
5. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / пер. под ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
6. Ясперс К. Философия: в 3 кн. Книга первая. Философское ориентирование в мире / пер. А. К. Судакова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
7. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / пер. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2011. 432 с.
8. Foucault M. Le courage de la vérité / éd. F. Gros. Paris: Seuil, 2009. 368 p.

Статья поступила в редакцию 30 мая 2014 г.